

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ VS ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАБОТЫ МЕДАРДА БОССА СО СНОВИДЕНИЯМИ¹

Ю.Т. ДЖЕНДЛИН

Эта небольшая работа Ю.Т. Джендлина посвящена, казалось бы, частной проблеме – анализу сновидений. Однако, на нескольких примерах он поднимает ключевые вопросы методологии феноменологического подхода в психотерапии. Он проводит критический анализ понятий и способов работы, введенных в даэин-аналитическую психотерапию М. Боссом, и показывает, что сами по себе понятия еще не гарантируют такого их использования, которое соответствовало бы сути феноменологического метода. В оппозиции Боссу, автор разъясняет свое понимание феноменологического метода и раскрывает основные положения своего подхода к работе с опытом.

Ключевые слова: феноменологический метод, феноменологические понятия, отношение, возможность, интерпретация, сновидение.

I

В этой работе я хочу разграничить феноменологический метод и феноменологические понятия. Босс интерпретирует сны при помощи феноменологических понятий, однако то, как он использует эти понятия по отношению к сновидению и к сновидцу, вызывает некоторые вопросы. По сути, Босс делает то же, что сам и подвергает критике в методе интерпретации сновидений: без какой-либо верификации он налагает на сновидение собственные схемы представлений и ценности.

Моя критика одновременно носит и позитивный, и негативный характер. Вначале я хотел бы обсудить значительный позитивный вклад, внесенный Боссом. В каком смысле можно сказать, что его интерпретация снов все же является и феноменологической, и ценной?

¹ Источник: Gendlin E.T. Phenomenological concept versus phenomenological method: A critique of Medard Boss on dreams // Soundings, 1977, № 60. P. 285–300. [Электронный ресурс]. URL: http://www.focusing.org/gendlin/docs/gol_2045.html

1. За многие годы своей деятельности Босс помог нам отойти от той точки зрения на человеческое бытие (и на сновидения), которая «переводила» опыт на другой язык. Всегда предполагалось, что за опытом, возможно, скрыты некие силы, которыми «на самом деле» объясняются наши сны и мы сами. Для Фрейда сон являлся результатом некоторых событий энергетического характера, частичной разрядкой. Для Юнга — за сновидением стоит присутствие и действие древних мифологических богов. Босс отвергает такие построения. Вне сновидения он рассматривает только актуальную жизнь бодрствующего человека.

Освободив нас от необходимости подобного «перевода», Босс помог преодолеть то насилие, которому в этом случае подвергается человеческий опыт. Хорошо известно, что в любой из теорий, осуществляющих подобный «перевод», по отношению к каждому сновидению может быть построено множество интерпретаций. Критериев для предпочтения какой-либо интерпретации нет ни в одной из них. Однако этот факт редко принимался во внимание. Более того, способ интерпретации, якобы соответствующий требованиям «научности», был более привлекателен. Практикующие терапевты обычно предлагали сновидцу только одну интерпретацию его сна. Предполагаемое превосходство или научная валидность такого языка придавали подобным интерпретациям правдоподобность и вес. Позже я опишу метод, с помощью которого даже такие интерпретации снов могут быть использованы феноменологически. Но мы признательны Боссу за то, что он помог нам преодолеть научно-редукционистский способ интерпретирования.

2. Интерпретативные понятия, которые использовал Босс, в большей мере описывают взаимодействие, чем внутриспсихические характеристики. Фрейд, Юнг и другие интерпретируют сновидения в терминах субъективности. Человек понимается как существо в кожаной оболочке, и его взаимодействие с другими людьми рассматривается как следствие, проистекающее из особенностей его внутренней, личностной структуры. Для Босса же, напротив, человеческая жизнь в своем существе и есть взаимодействие: «Мы есть не что иное, как восприимчивая, чуткая “раскрываемость миру”» [Boss, p. 237].

С точки зрения здравого смысла, выражаемого в обыденном языке (а не только в теориях Фрейда и Юнга), человек предстает обособленным индивидом и частично «внутренним» существом. Босс помог нам и в обыденном языке, и в наших теориях увидеть себя не как изолированных существ, но как существ, взаимодействующих друг с другом.

Если исследователь начнет чувства, воспринимаемые как «внутренние», рассматривать феноменологически, он обнаружит, что они интен-

циональны. Наши чувства всегда о *чем-то*. Мы никогда не бываем просто сердиты. Мы всегда сердиты на ..., боимся *чего-либо*, смущаемся от *чего-либо*. Всегда некоторые поначалу неясные чувства раскрываются в целом комплексе ощущений и восприятий — нашей ситуации, участвующих в ней людей, а также того, *как* мы проживаем все это. Босс пишет: «Мы никогда не являемся для самих себя черным ящиком», или «X—объектом, обладающим неким свойством среди ряда прочих свойств». Мы всегда «уже вовне, *вместе* с тем, с чем мы встречаемся» [Ibid. P. 237].

3. Основные интерпретативные понятия Босса как путь рассмотрения сновидений сильны и заслуживают того, чтобы быть принятыми наряду с другими концепциями. Босс, главным образом, использует два понятия: одно предполагает ответ на вопрос, каково реальное «отношение» человека к другим людям, миру и жизни; и второе — ответ на вопрос, каковы нереализованные «возможности» его отношений к жизни и другим людям.

Эти понятия не очевидны. Но они заслуживают внимания. Обычный человек, рассматривая свой сон, может обнаружить множество аспектов, но в то же время не обратить внимания на то, каково же его *отношение* к другим и к миру. Обычный человек может не задаться вопросом, есть ли в данном сне что-то, что превосходило бы возможности его бодрствующего состояния, что-то, что еще не было актуализировано в жизни.

Вклад Босса в интерпретацию снов, как я это понимаю, состоит из трех пунктов: отвержение идеи «перевода» снов в нечто иное, чем сама же человеческая жизнь; взгляд на человека как на существо, взаимодействующее с другими; введение двух базовых понятий как таковых — понятия «отношения» и понятия потенциальной «возможности».

Теперь о том, что делает этот вклад именно феноменологическим. Налицо, во-первых, отказ редуцировать человеческий опыт, в сновидениях или в бодрствовании, до теоретических конструктов. Во-вторых, феноменологическим открытием является то, что мы не есть «субъективность», обладающая определенными характеристиками и чертами, но всегда уже находимся *в мире*, причем в ситуациях взаимодействия с другими людьми. В-третьих, «отношение к» и «возможность» являются хайдеггеровскими понятиями, которые указывают на базовые структурные параметры нашего актуального проживания жизни.

II

От феноменологических понятий обратимся теперь к феноменологическому методу. Я постараюсь показать, что в методе Босса есть существенная проблема: по поводу любого конкретного сновидения

может быть дано множество различных интерпретаций с использованием концепций «отношения» и «возможности». Я постараюсь показать это, используя некоторые из примеров Босса. Как я отмечал ранее, эта же проблема стоит и перед прочими методами интерпретации сновидений.

Как мы увидели, *общие* понятия «отношения» и «возможности» являются феноменологическими, однако использование этих понятий само по себе не гарантирует феноменологическую основу тех конкретных специфических возможностей или отношений к миру, которые мы выделяем. Мы можем спорить о том, являются ли эти категории наилучшими для характеристики человека, или о том, любой ли человек будет обладать тем или иным характерным отношением и теми или иными непрожитыми возможностями. Однако, слушая рассказ о конкретном сне или наблюдая за человеком в его бодрствующей жизни, разные интерпретаторы придут к различным выводам. Для рассмотрения они выберут различные аспекты, а также могут разойтись во мнениях об этом человеке в данных аспектах.

Подобное разнообразие точек зрения и мнений также можно найти в философии и в других областях. Поставим вопрос, как феноменология обосновывает свои утверждения в терминах метода, а также — каков должен быть сам этот метод интерпретации сновидений.

В феноменологическом методе, как я буду его разрабатывать, каждый шаг осмысления и концептуализации должен обеспечивать себе основание в виде раскрытия того или иного до сих пор скрытого аспекта, феномена. Стоит только сосредоточиться на новом аспекте, сфокусироваться на нем, как мы получим нечто большее, чем просто концептуализацию. Если сам феномен не более чем просто язык, если мы имеем только некое утверждение, каким бы ясным оно ни было, то и феноменология, и язык оказываются неспособными помочь проявиться тому, что само показывает себя, и потому — утрачивают основания для собственного существования.

Что может быть феноменом в работе со сновидениями, что может быть показано удачной интерпретацией и упущено остальными? Как мы обнаруживаем феномен? Например: если мы характеризуем отношение сновидца как «пассивное и центрированное на себе», а кто-либо еще — как «установленное на рост и отважное», то что таким образом может быть проявлено одной из этих интерпретаций и останется недоступным для других?

Когда мы обсуждаем сновидения и слышим свои собственные интерпретативные утверждения или утверждения коллег, то часто не получается ничего, кроме спекуляций. Потом вдруг высказанное

кем-либо утверждение приводит нас к такому факту из бодрствующей жизни сновидца, который особенно примечательно обнаруживает свое присутствие, как будто внезапно откуда-то всплывает. Следуя за возникшим опытом, мы открываем целый поток других аспектов жизни, явным образом вытекающих из сна-плюс-интерпретации либо так или иначе связанных с ним. Новые аспекты или новые значения могут, в свою очередь, не менее интенсивно предъявлять себя. В дальнейшем может быть предложено и осуществлено множество следующих шагов. Каждый шаг подобного обнаружения выявляет гораздо больше, чем то, о чем говорится в интерпретации самой по себе. Может ли такая адаптация феноменологического метода к сновидениям разрешить проблему спорной или необоснованной интерпретации? Рассмотрим несколько иллюстраций к данной проблеме.

Пациент видит сон (этот материал опубликован юнгианским аналитиком), в котором его оперирует аналитик. Затем появляется седовласый незнакомец, вырезает из своего тела два куска и пересаживает их в живот сновидца. Таким образом, жизнь сновидца спасена.

Босс отвергает юнгианскую интерпретацию, представляющую седовласого мужчину мудрецом, мифическим «высшим» персонажем, который, как утверждается, обнаруживается в фантазиях и сновидениях многих людей, а также в мифах. Он отвергает «высшее» духовное измерение, а вместе с ним и пережитые во сне опыты принятия помощи и спасения. Босс интерпретирует это сновидение так:

«...быть мужественным, зрелым, самоотверженным человеком — такая возможность открывается ему во сне. Доброжелательный человек из сна неизвестен сновидцу, и это может быть объяснено тем, что такой зрелый путь бытия еще незнаком ему... такой способ присутствия себя в мире мог появиться только в виде некоего совершенно незнакомого человека.

Приводит в замешательство тот факт, что... во сне жизнь пациента была спасена благодаря пересадке тканей другого человека... Пациент на операционном столе остается абсолютно пассивным» [Ibid. P. 242].

Из возможных интерпретаций Босс выбирает «самоотверженную» отдачу собственной плоти и характеризует такой поступок как «добродетельный, зрелый». Именно в этом он видит то самое отношение, которое должно стать «новым» для сновидца. Но этим путем уже шли многие исследователи. Почему Босс уверен, что, выделив «самоотверженность» в качестве неосуществленной возможности, он сделал верный выбор?

Босс выбирает характеристику «абсолютно пассивный» как то реальное отношение, которое проявляет себя во сне, и решает, что это плохое

качество. Юнгианский аналитик, напротив, считает, что принятие помощи пациентом — это хороший знак. Босс рассматривает пассивность как отношение пациента к жизни. Юнгианский же аналитик считает, что пациент принимает помощь от более глубинного аспекта своей личности, чем эго. Возможно также, что пациент чересчур контролирует свою жизнь и закрывает от себя более широкие аспекты жизни, выходящие за привычные рамки его Я. (При желании можно легко переложить многие концепции Юнга и Фрейда, используя термины «отношение» к миру и «возможность» в мире, хотя обычно ни тот, ни другой не использовали их.) Какие основания есть у нас, чтобы решить, что правильно в конкретном случае — быть более активным или принимать? Каким образом Босс может прояснить именно это измерение, именно эту пару противоположностей, именно эту проблему?

Босс также не проясняет, почему он характеризует старика как мужественного и самоотверженного человека. Нет ясности, почему среди многих возможных характеристик именно эти — более значимы? Сначала есть только два эпитета — «старый» и «седовласый», которые употребляет сам сновидец. Продолжая описывать манеру поведения старика, можно подобрать следующие эпитеты: храбрый, нечувствительный к боли, мощный, отечески заботливый, настойчивый. Можно привести и многие другие характеристики, описывающие его отношение.

Юнгианский аналитик, опубликовавший этот сон, также не дает объяснений, на основании чего (помимо теории Юнга) он именуется старика «высшей силой», а не использует другие характеристики, например, «самоотверженный» и «мужественный», упомянутые Боссом. Обе предложенные интерпретации сна в равной мере могут быть наложены на само сновидение и на опыт сновидца. Однако ни один из этих методов не дает такой интерпретации, которая была бы направлена на поиск чего-то нового, данного самому сновидцу в его непосредственном опыте, того, что выступило бы для него именно как результат этой интерпретации.

Интерпретации, как их обсуждает Босс, свободно парят, не имея под собой феноменологической основы. Может быть легко создано множество одинаково хороших интерпретаций, использующих одинаковые понятия. Рассмотрим, например, манеру «пассивного» отношения пациента, которое Босс рассматривает в качестве такового из-за того, что пациент пассивен во время операции. Но для процесса оперирования могут быть найдены и другие определения: болезненный, кровавый, дорогостоящий, опасный, проводимый обычно мужчинами, неотложный. Можно привести и другие характеристики. Пересадка тканей может

быть процессом волшебным, или кровавым, или порождающим вину. Может быть использовано любое из этих прилагательных.

Если бы мы увидели старика, который появился в больнице и, отрезав кусок своей плоти, приложил ее к телу пациента, то первым, что мы бы отметили, была бы отнюдь не пассивность пациента. В описанной выше ситуации пассивность может быть проинтерпретирована не как отрицательная характеристика, а совсем иначе.

Выбранные Боссом свойства поведения сновидца и старика не лучше и не хуже других возможных вариантов интерпретаций. Но если бы интерпретация проводилась феноменологическим методом, тогда мы должны были бы описывать не только слова, но и то, что происходит при появлении чего-то нового. Что же именно происходит с пациентом, когда в интерпретации появляется что-то новое? Когда та или иная интерпретация достигает своего основания? Как выглядит сам процесс достижения? Как мы можем распознать его? Эти вопросы не были сформулированы.

Рассмотрим еще одно сновидение, цитируемое Боссом: «... он начал целовать и ласкать меня там, на улице, и сказал, что желает меня... мы начали раздеваться на улице — было темно... Я подумала, как неуместно быть голой на улице. Я отчаянно пыталась уйти прочь с улицы, где могли быть люди, где я была совершенно голой. Чувствуя беспокойство, я проснулась» [Ibid. P. 248].

В этом случае мы снова имеем дело с материалом, опубликованным не самим Боссом, а Ролло Мэем, который, в свою очередь, интерпретировал сновидение пациентки другого аналитика! Ни Мэй, ни Босс не чувствуют необходимости в обращении к более широкому контексту конкретного опыта сновидицы, из которого они могли бы выявить что-либо для обоснования своих интерпретаций.

Босс пишет: «Во всех этих случаях значимо не столько беспокойство (вопреки выводам Мэя), сколько чувство стыда...» [Ibid. P. 251]. Таким образом, Босс отвергает часть опыта пациентки, связанного с пробуждением, который она, судя по публикации, явно высказывает, а именно — чувство беспокойства.

Босс отрицает утверждение Мэя, что мужчина во сне может олицетворять аналитика сновидицы. Босс пишет: «Ее отношение к аналитику не столь близко, чтобы его образ мог обеспечить себе проникновение в ее сон... в качестве эротически привлекательного мужчины» [Ibid. P. 250–251]. Неясно, откуда Боссу известно отношение пациентки к своему аналитику — коллеге Мэя. Также неясно, как кто-либо может узнать что-то, не обращаясь для прояснения основных аспектов

ситуации к опыту самого клиента. Разве не могла бы эта пациентка, например, спустя несколько секунд после того, как она услышала интерпретацию Мэя, обнаружить, что и вправду ее потребность избежать сексуального влечения к аналитику проистекает из ощущения неуместности сексуальных чувств в кабинете аналитика? Возможно, что для нее это ощущается так же, как если бы это происходило на улице. Но я этого не знаю, и утверждать подобное я стану только в том случае, если в ответ на мою попытку интерпретации в опыте клиентки проявится данный аспект.

Мужчина во сне был одноклассником сновидицы, с которым у нее сейчас нет близких отношений. Для Босса ценна близость с сексуальным партнером, и поэтому он выбирает отсутствие близости как «отношение» сновидицы. Так как Боссу не нравится отстраненность в интимных отношениях, то он и не рассматривает ее как «возможность» и, следовательно, рассматривает ее как актуальное «отношение».

Босс пишет, что он ценит сексуальную близость, «когда он находится в своей комнате, в теплой кровати вместе с... любимым человеком». Но ценности и личное везение Босса не могут служить достаточно твердой основой для интерпретации проблем и сновидения пациентки коллеги Ролло Мэя. Возможно, что именно сейчас у этой клиентки нет любимого человека, а сексуальные отношения без любви она отвергает, так же как и Босс. Возможно, что в этом сне оказываются затронутыми и другие проблемы. Например, желание быть более заметной в качестве сексуального партнера и есть та возможность, которую она отвергает во сне; или, возможно, ей трудно любить одного и того же человека. Или: сексуальная жизнь этой женщины в порядке, а сексуальные образы она использует для того, чтобы репрезентировать в беседе другую свою проблему. Возможно также, что она хочет выставить себя напоказ, но испытывает вину за такие желания; или ее актуальное «отношение» состоит в том, чтобы подчиняться другим, но она это отвергает. Может быть, она отвергает все сексуальные увертюры, кроме тех, которые инициировала сама, и тогда сон отмечает такое важное и нереализованное «отношение», как ответ; или во сне реализуется новая возможность выбраться из ситуации, в которую ей не хотелось попадать.

Все эти альтернативы, включая и варианты, предложенные Боссом, являются, скорее, попытками интерпретации, нежели полноценной интерпретацией. Только некий ответ самого феномена может обосновать одну и отбросить другую версию.

Босс использует интерпретативные понятия таким же способом, как это делают другие теории: лишь общие понятия феноменологичны,

сами интерпретации оказываются чрезвычайно спорными. Общее направление рассмотрения сновидений (как человек «ведет» себя в жизни или как он мог бы себя «вести») чрезвычайно ценно. Однако не предложено никаких методологических критериев, на основании которых можно установить ту или иную интерпретацию в качестве наиболее соответствующей. Похоже, единственным ориентиром выступают личные ценности и пристрастия самого Босса.

Таким образом, Босс оперирует теми же методами, которые он сам критикует. В его подходе, так же как и в других, выдвигается только одна из возможных интерпретаций, а весь метод сводится к порождению интерпретаций. Здесь нет предоставления самого феномена как такового.

Конечно, примеры Босса, приведенные в этой статье, следует рассматривать как иллюстрации к его общему методу. Но даже если бы клиентка присутствовала, похоже, что Босс не чувствовал бы необходимости в феноменологическом обосновании своего движения. Конечно, Босс мог бы опробовать свои интерпретации, и, если бы не удалось выявить чего-либо нового в опыте клиентки, он предложил бы альтернативные версии. Однако это не было бы неотъемлемой частью самого его метода. Для прояснения этого утверждения рассмотрим, как Босс использует вопросы в работе со своими клиентами: «Опираясь на феноменологическое понимание сновидений, терапевт может сформулировать некоторые вопросы для пациента в течение следующего часа анализа:

Не кажется ли Вам очевидным, как мало Вы знаете о ... ?

И, напротив, в сколь большой степени являетесь Вы ... во всем том, что Вы делаете?

Быть может, Вы способны теперь понять ... что Вы не знаете ... когда Вы спите, но не знаете ... также и когда Вы пробуждаетесь?» [Ibid. P. 251-252]».

Пациентке нужно быть очень сильной, чтобы суметь отстраниться от таких вопросов, если они не позволяют породить новый опыт, и оказаться способной предложить другие утверждения, проявляющие другие аспекты, которые более важны и более соответствуют ее жизни.

Научиться феноменологии в терапии очень трудно, и маловероятно, что клиентка вообще что-либо знает об этом. Без того чтобы видеть и выявлять новые аспекты опыта, она, скорее всего, позволит наложить на свои сновидения те или иные интерпретации — Босса или кого-то другого. Моя точка зрения заключается в том, что при этом неважно, чья эта была интерпретация — ее собственная или Босса.

Босс продолжает: «Услышав эти вопросы, клиентка, может быть, впервые осознает, что у нее есть возможность совершенно другого отношения...» [Ibid. P. 252]. Как мы видели ранее, из сновидения может быть выведено и навязано клиенту множество различных новых «отношений». Трудно избежать следующего вывода: Босс настойчиво предлагает предпочитаемые им самим типы отношений, используя сновидения клиента или же обходясь без них. Конечно, нельзя сказать, что сновидение само по себе однозначно утверждает некоторые ценности и изменяет «отношения». Эти изменения выходят далеко за пределы сна.

Босс же хочет ограничиться только сновидением самим по себе. Он даже не использует ассоциации и почти никогда не упоминает о них ни в этой работе, ни в своей книге о сновидениях [Boss, 1958]. Но одно дело — не «пере-интерпретировать» сновидение и не «переводить его на язык наших символов» [Ibid. P. 247], чего Босс благоразумно избегает, и совсем другое дело — исключить из работы ассоциации сновидца и новые переживания, возникающие в ответ на попытки интерпретации. Этот подход рассматривает феноменологические реакции сновидца как нечто внешнее и, более того, — чужеродное сновидению, а добавления и вставки самого Босса — так, как будто это и есть сновидение само по себе.

Если мы будем рассматривать этот метод как феноменологический, тогда нам придется констатировать, что феноменом, который проявляет себя в процессе интерпретации, будет то, что Босс сам заметит в сновидении. Даже в этом случае феноменом, с его характерной уникальной соотношенностью, является новый аспект сна, который внезапно возникает под воздействием интерпретации. Босс ничего подобного не рассматривает. Феноменологический метод не может основываться на том образе жизни, который выбрал для себя терапевт, и на том, что он «вчитал» в сновидение.

Посмотрим на этот недостаток как на проблему, которую нужно разрешить. Рассмотрим далее подход Босса более глубоко и, делая это, будем иметь в виду, что наша цель — это продвижение к методу, который использует все понятия феноменологически и где каждый шаг обосновывает себя тем, что выявляет нечто новое.

III

Босс говорит, что вне сновидения есть только бодрствование сновидца. Следовательно, мы должны связать сновидение с бодрствующей жизнью. *Именно там, в жизни клиента* мы увидим нечто новое. Также он говорит, что мы имеем дело не только с тем, как сновидец проживает

свою жизнь, но и с нереализованными возможностями. Мы должны думать о человеческой жизни и об опыте не как о конечных вещах, факторах, сущностях, завершенных паттернах, но как о том, что содержит в себе скрытые возможности. Из этого вытекает требование установить связь между сновидением и бодрствующей жизнью, рассматриваемой не как набор фактов, но как комплекс скрытых возможностей. Эти утверждения подводят к мысли, что эти возможности могут появиться для сновидца внутри некоторого герменевтического процесса: то, что *было неявным*, внезапно становится проявленным. Босс предлагает не погружаться во внутренние пространства сновидения, но двигаться из сна в жизнь сновидца; при этом предполагается, что эта жизнь способна к реализации новых возможностей, которые в данный момент скрыты. Босс не хочет ничего добавлять, но только находить то, что еще не проявлено.

Хайдеггер писал: «...“позади” феномена в феноменологии ничего не стоит. Тем не менее, то, что становится феноменом, может быть первоначально скрыто. И именно потому, что первоначально в большинстве случаев феномены *не* даны, есть нужда в феноменологии» [Heidegger, 1960, p. 36]. Это утверждение Хайдеггера относится к онтологии, но и в *методе* феноменологии, если применять его к сновидениям, также нужно извлекать нечто, что становится феноменом только благодаря какому-то слову (как логосу), извлекающему его.

Опыт человека по своей сути обладает возможностью быть извлеченным. В своей основе человеческий опыт — это отношения в мире и с другими людьми; он сам *есть* возможность, поэтому он не может быть полностью схвачен и описан даже такими понятиями и определениями, как «отношение» и «возможность» (а также любыми другими). Скорее, понятия могут только прикасаться к опыту, благодаря своей «извлекающей» функции.

Каким образом мы можем описать максимально точно, что происходит, когда интерпретативное утверждение извлекает до сих пор неисследованный аспект опыта или непрожитую возможность? В других работах [Gendlin, 1962; Gendlin, 1973, p. 304] мною были описаны узнаваемые характеристики этого процесса. Среди этих характеристик были такие: во-первых, новый опыт, высвеченный благодаря интерпретационному утверждению, оказывается способным продвинуться дальше, к новым аспектам, которые не могли быть выведены из исходного утверждения. Во-вторых, новый аспект, высвеченный интерпретацией, часто оказывается способным привести нас к изменению первоначального утверждения. В-третьих, продолжающееся раскрытие

новых и новых аспектов оставляет первоначальное утверждение далеко в стороне. В-четвертых, последовательность продвижения — алогична. Она не является не-логичной: человек может чувствовать его внутреннюю логику, и ретроспективно можно описать этот процесс так, как если бы он развивался в соответствии с логикой. Но естественный ход возникновения утверждений свободен от логических связей последующих шагов с предыдущими. Каждое утверждение является важным в последовательности, несмотря на тот факт, что следующим шагом в последовательности может быть отказ от этого утверждения. И это еще одна узнаваемая особенность процесса. Все эти характеристики свидетельствуют о том, что человеку открыт доступ к чему-то другому, чем просто слова. Вышесказанное имеет смысл не только концептуально, но и в отношении к тому, что ощущается непосредственно, проявилось и может показать себя как нечто другое и большее, не исчерпывающее себя словами, про-явившими его.

Конечно, на практике многие утверждения не проявляют ничего нового. Но когда это все же происходит, далее следует уже описанная последовательность шагов. После совершения нескольких таких шагов, «правильность» интерпретации уже не подвергается сомнению. Она зависит не от авторитетного решения терапевта или клиента, но от того, что оказывается проявленным. Чем дальше развивается этот процесс, тем меньше остается сомнений в «правильности». Эксперты могут поставить интерпретацию под вопрос, однако у клиента есть то, на что указала интерпретация и последующие шаги, — и это не просто идеи, но опыт. Это не только словесные описания, но и собственно жизнь и «отношения» клиента, уже измененные самим сновидением. У экспертов могут быть и другие интерпретации, возможно, также проявляющие нечто для клиента, но это будет уже чем-то другим, чем-то дополнительным.

Процесс проявления чего-то нового можно описать в хайдеггеровских терминах: *Befindlichkeit* (смысл того, как человек располагается в ситуации), *Verstehen* (понимание) и *Rede* (речь). Эти понятия сосуществуют друг в друге, так что герменевтическое движение может обнаружить то понимание, которое уже неявно присутствовало в *Befindlichkeit*. Обнаруживается непрерывность между чем-то неявным и его прояснением. В ретроспективе видно: то, что сейчас явно проговаривается, уже присутствовало в том, как человек чувствовал свою представленность в ситуации еще до ее осмысления в качестве таковой.

В этой части своей работы я не пытаюсь объяснить, что же на самом деле имели в виду Босс и Хайдеггер в приведенных цитатах. Но я думаю,

что если в работе со сновидениями мы применим сказанное ими о методе феноменологии (именно как о способе использования понятий), то проявится некий опыт нашей жизни, который позволит открыться новым возможностям и аспектам нашего бытия. Использование такого подхода к интерпретированию сновидений представляется более обоснованным.

Когда сон и бодрствование оказываются соотнесенными друг с другом подобным образом и интерпретация оказывается удачной, возникает нечто новое. Происходят изменения во внешности клиента, например, оживает мимика, он может глубоко вздохнуть. Сновидец переживает процесс, связанный с возникновением, открытием и распространением этого опыта, некий поток. Это отчетливое переживание заметно отличается от исключительно когнитивного понимания, что эта интерпретация «может быть, подходит», или «она интересна», или дает ощущение осознания значения, или интригует. Отличие такого процесса извлечения опыта заключается в том, что тот или иной аспект жизни, который при этом высвечивается, не может больше быть проигнорирован (напротив, из него проистекает все большее и большее различие новых аспектов опыта).

Возникновение чего-то нового может произойти сразу после пробуждения, а может — в процессе работы с ассоциациями. Это может случиться и позже — при ответе на различные вопросы по поводу сна. И когда это происходит, сомнения рассеиваются, и сновидение становится понятным, или, по крайней мере, становится понятен тот аспект жизни, на который оно указывает. Иногда одной удачной интерпретации недостаточно, и сон продолжает озадачивать. Необходимо продолжение процесса. Иногда понимание не открывает ничего нового. Сновидение оказывается метафорой уже известного. В этом случае к проявлению чего-то нового могут привести дальнейшие вопросы.

Если в качестве основного критерия принять именно проявление нового, то очевидно, что, чем больше различных интерпретаций, тем больше вероятность, что это новое появится. Концепции «отношение» и «возможность», предложенные Боссом, превосходны и напрямую связывают сновидение и бодрствование, однако могут быть использованы также и понятия Юнга и Фрейда. К любому аспекту сновидения можно приступить с вопросом: «Что в Вашей жизни похоже на это?». Можно последовать за чувствами, возникшими во сне: «Что в Вашей жизни вызывает такое же чувство?». Структуру сюжета можно высказать несколькими способами: «Сначала Вы позволили себе это, затем Вы почувствовали, что это Вам не подходит, и убежали. Что в Вашей

жизни это напоминает?». И затем: «Вы публично обнажились, потом Вы почувствовали, что это неправильно. Что в Вашей жизни похоже на это?». Соответствия персонажам могут быть найдены в жизни: «Этот мужчина, как он выглядел? Кого он Вам напомнил?». Персонажи могут соответствовать некоторым аспектам сновидца: «Возможно, что Вы, не вполне осознавая это, в чем-то на него похожи?». (В последнем вопросе я использую юнговское представление о частях души применительно к нашей жизни. Используя его феноменологически, мы приходим к тому же самому, поскольку именно само то, что выходит на свет, а не первичная его интерпретации и ее логические следствия, будет определять то, что мы с ним делаем) Также может быть исследовано, где происходят события сна: «То место на улице, какое оно? Вы были там когда-нибудь?». Можно даже попросить: «Встаньте и представьте на мгновение, что Вы и есть этот мужчина. Что он чувствует? Как он поступит?». С помощью этих вопросов или без них, сновидец почувствует, что возникает нечто большее, чем просто мысль или интерпретация, нечто непосредственно проживаемое, что может стать основой для интерпретации.

Я не говорю о чувстве уверенности или любом другом аффективном компоненте, сопровождающем интерпретацию. Я говорю об аспектах жизни, которые могут проявиться. Лишь они могут быть феноменологической основой для интерпретации. Таким образом, феноменологический метод не может проинтерпретировать сон за одно действие. Феномен не будет раскрыт, у него не будет возможности проявить свое отличие от того, что утверждает интерпретация. Феномен сокрыт в сновидении, иначе интерпретации были бы не нужны. Вначале он не показывает себя, затем — проявляется. Слова раскрывают его, но затем он должен начать раскрывать себя сам, своим собственным способом, а не оставаться только словами.

Босс также утверждает, что новые аспекты не находятся во сне: их следует искать в опыте бодрствующего человека. Новые аспекты вносит проснувшийся сновидец. «Бодрствующему человеку предъявляется все происшедшее и происходящее». Босс пишет о «более ясной восприимчивости человека в бодрствовании...» [Boss, 1958, p. 260]. Слова «более ясная восприимчивость» подразумевают возникновение чего-то нового в опыте бодрствования, но не во сне.

Я думаю, что то, что феноменологически проявилось, уже неявно присутствовало. Оно не является чем-то добавленным или наложенным на опыт. Путь между «неявно присутствовало» и «само показывает себя» не представляет собой некую логически выведенную «прибавку». Это выведение из сокрытого.

Если вначале нам казалось, что в своей работе Босс использует только собственные ценности и интерпретации, то теперь, разобравшись более внимательно, мы обнаружили его тезис о необходимости обращения к новому опыту. И это, как я здесь предполагаю, является уже реальным основанием для интерпретации сновидений.

Чем это «сокрытое» отличается от бессознательного? Существует ли некая скрытая основа, из которой возникает «вытесненный» (Босс говорит «избегаемый») материал? Он пишет: «То, что дает, то, что посылает данности моего мира сновидений... это событие Бытия как такового, которое есть Другой по отношению к любому индивидуальному Я» [Boss, 1958. P. 262]. «События сновидения... даны сновидцу как нечто, с чем он должен найти общий язык» [Ibid. P. 261]. «...Это не Я производит нечто, что потом продолжается в сновидении, но напротив — нечто дано и послано *мне*» [Ibid. P. 262].

Не похоже ли это на архетипическое бытие, на фоне которого мы видим, чего нам не достает? Босс, кажется, утверждает здесь как раз тот тип «отношения», который сам же отвергал в юнгианском примере со сновидением: возможность присутствовать не от Я, но от чего-то, что устанавливает себя как Другой по отношению ко всякому индивидуальному Я.

Можно подумать, что речь идет только о выборе понятий: это не внутренняя психическая сила, а «дающее “Es”...», из сокрытости которого приходит все, что присутствует...» [Ibid. P. 262]. Босс пишет: «“Es” подобно силам природы, стоящим над и позади человека, [и] “дающим” дождь» [Ibid. P. 262]. Таким образом, мы рассматриваем это “Es” как источник присутствия чего бы то ни было, что концептуально отличается от представлений Юнга. Но принципиальное различие лежит в том, как мы «устанавливаем» себя по отношению к этому «бытию, которое посылает». Это различие, я думаю — в непосредственном переживании, в переживании связи с тем, что выводится на свет. Бессознательное — это только некое «не-», всего лишь предполагаемое.

До тех пор, пока мы не обращаемся к самому выведению, пока мы остаемся только при сновидении и его интерпретации, мы не сможем прояснить различие между понятием «бессознательного» в других теориях и понятием «*Бытия как такового*» в теории Босса. Различия в результатах работы со сновидениями происходят из различий между ценностями, которых придерживается терапевт. В чем отличие юнгианской интерпретации, рассматривающей образ старика во сне как фигуру высшей власти, посланную бессознательным, чтобы вывести клиента из-под влияния слишком контролирующего эго и благодаря

этому помочь ему открыться миру, от интерпретации Босса, видящей в старике такое «отношение», которое послано Бытием, чтобы вести клиента навстречу большей мужественности и меньшей пассивности? Выбор ценностей различен, метод — один и тот же. Практически нет различий в том, как дает о себе знать бессознательное и Бытие. Оба они передают свои «послания» посредством инсайтов терапевта.

В свою очередь я полагаю, что умозаключение (или обнаруженная интерпретация, или соотнесенная ценность) и «проявление в несокрытом» существенно различаются. Эта фраза говорит не только о не самом по себе, но также и об аспектах жизни, которые присутствовали неявно, а теперь проявляются.

Благодаря таким, всегда сильно впечатляющим, проявлениям становится возможным феноменологический подход к интерпретации снов — метод, который состоит из нескольких шагов. Нечто вновь появляющееся в процессе работы терапевта и клиента на каждом этапе становится основой для следующего шага.

Данный метод остается феноменологическим даже тогда, когда использует концепцию бессознательного, и выдерживает критику, утверждающую, что интерпретация ничего не добавляет. Напротив, то-что-изначально-сокрыто-внутри функционирует совершенно определенным феноменологическим образом: оно обнаруживает себя (оставаясь не только в словесной форме или умозаключением) в виде аспектов жизненного опыта при каждом совершенном шаге. Когда это нечто становится проявленным, оно всегда оказывается больше и отлично от того утверждения, которое легло в основу его проявления.

Перевод: И. Постников

Редакция: З. Зимелева

ЛИТЕРАТУРА

- Boss M. Dreaming and the Dreamed in the Daseinanalytical Way of Seeing. Trans. Tom Cook. S.l., s.d.
- Boss M. The Analysis of Dreams. Trans A.J. Pomerans. New York: Philosophical Library, 1958.
- Gendlin E.T. Experiencing and the Creation of Meaning. New York: The Free Press, 1962.
- Gendlin E.T. Experiential Phenomenology // Phenomenology and the Social Sciences. Ed. M. Natanson. Evanston: Northwestern University Press, 1973.
- Heidegger M. Sein and Zeit. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1960.

Phenomenological concept versus phenomenological method: A critique of Medard Boss on dreams

Gendlin E.T.

This small E.T. Gendlin's work is devoted, apparently, to a private problem – the analysis of dreams. However, on several examples he brings up key questions of methodology of the phenomenological approach in psychotherapy, which carries out the critical analysis of concepts and the modes of work entered into Daseinanalysis psychotherapy by M. Boss and shows that concepts themselves yet do not guarantee use of a phenomenological method which would correspond to its essence. In opposition to the Boss, the author explains the understanding of a phenomenological method and opens substantive provisions of the approach to work with experience.

Key-words: a phenomenological method, phenomenological concepts, the relation, possibility, interpretation, a dream.

Boss, Medard. *Dreaming and the Dreamed in the Daseinsanalytical Way of Seeing*. Trans. Tom Cook.

Boss, Medard. 1958. *The Analysis of Dreams*. Trans. A.J. Pomerans. New York: Philosophical Library.

Gendlin, Eugene T. 1962. *Experiencing and the Creation of Meaning*. New York: The Free Press.

Gendlin, Eugene T. 1973. Experiential Phenomenology. In *Phenomenology and the Social Sciences*, ed. M. Natanson. Evanston: Northwestern University Press.

Heidegger, Martin. 1960. *Sein and Zeit*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.